

Телефон на том конце провода молчал секунд тридцать.

— Эта госпожа, вы... о чём? — в голосе диспетчера звучала явная неуверенность, она наверняка думала, что это шутит какой-то пьяный человек.

Рука Су Лань, державшая телефон, дрожала, но голос оставался неестественно спокойным — настолько спокойным, будто она заперла все свои эмоции в абсолютно герметичную коробку.

— Я говорю, сегодняшний вирус, из-за которого зависли телефоны по всему миру, написала моя дочь. Ей всего семь лет, она еще неразумна, я её мама и пришла с повинной за неё.

Диспетчер, судя по всему, прикрыла трубку рукой, оттуда донеслось какое-то шуршание вперемешку с приглушенным разговором. Спустя довольно долгое время голос диспетчера зазвучал снова, и тон ее стал намного осторожнее:

— Госпожа, вы не могли бы повторить еще раз? Мне нужно убедиться в каждом сказанном вами слове.

Су Лань на мгновение закрыла глаза и от начала до конца рассказала о том, как ее дочь писала код. Она говорила очень медленно, отчетливо выговаривая каждый слог, словно читала безупречный финансовый отчет. Она рассказала, как над Юэ Сяюэ посмеялись пользователи сети, как та из упрямства написала вирус, как нажала клавишу ввода и как хихикала, хвастаясь ей: «Весь мир смотрит на моего котенка».

На последних словах ее голос наконец дал трещину, словно по стеклянному бокалу побежала тонкая трещинка.

— Пожалуйста... пожалуйста, приезжайте скорее, — она сжала телефон так побелели костяшки пальцев, а ногти глубоко впились в ладони. — Я боюсь, что она проснется.

Положив трубку, Су Лань просидела на диване ровно минуту. В гостиной стояла тишина, был слышен лишь мерный стук настенных часов, и каждый удар отдавался прямо в сердце. На журнальном столике все еще валялся начатый пакет чипсов, который недоела Юэ Сяюэ, а на полу лежала та самая мягкая кошечка с торчащими во все стороны хвостиками-плетенками.

Она наклонилась, подняла плюшевого котенка и зажала в руке. На животике игрушки была потертость — Юэ Сяюэ гладила это место с самого детства, и каждый вечер перед сном ей нужно было непременно потереть его, чтобы уснуть.

Сжав эту потертую шерстку, Су Лань снова заплакала.

Но она не позволила себе плакать долго. Резко проведя по лицу тыльной стороной ладони, она встала и вошла в спальню дочери.

Юэ Сяюэ спала крепким сном. Одеяло она сбросила ниже колен, одна нога свешивалась наружу — поза во сне была такой же дерзкой, как и за написанием кода. В обнимку она крепко прижимала к себе другого мягкого зайца: всего у нее было четыре плюшевых игрушки, они дежурили по очереди, и сегодня была смена зайца. Рот был слегка приоткрыт, в уголке губ виднелся высохший след от слюны, а дыхание было ровным и глубоким.

Су Лань тихонько присела на краешек кровати, пружинный матрас чуть продавился, и Юэ Сяюэ качнулась ближе к ней. Су Лань протянула руку и кончиками пальцев осторожно откинула со лба дочери растрепавшиеся прядки, обнажив гладкий лоб.

Семь лет назад, когда она впервые увидела это крошечное личико, оно было размером с ладошку.

Тогда Су Лань только что пережила тяжелые роды, длившиеся сутки напролет, и чувствовала себя так, будто ее вытащили из воды — не было сил даже поднять руку. Медсестра положила этот сморщенный комочек ей на грудь, она опустила взгляд и подумала: какая же страшненькая.

А затем этот сморщенный комочек открыл глаза, и черные бусинки уставились прямо на нее, будто узнавая.

И Су Лань заплакала. Медсестра решила, что это послеродовые качества настроения, и принялась ее утешать, говоря, что все в порядке, ребенок абсолютно здоров. И только она сама знала, что плачет потому, что в тот самый момент отчетливо поняла: с этой секунды в целом свете есть человек, чья кровь течет в ее жилах, с которым она связана жизнью и смертью.

Все эти годы она растила Юэ Сяюэ одна, день и ночь работала сверхурочно, чтобы скопить денег, не смела огрызаться на крики начальника, не решалась брать больничные, проглатывая все обиды — и все ради того, чтобы у этого крошечного существа была жизнь хоть немного лучше.

Она никогда не помышляла о том, чтобы ее дочь стала каким-то гением.

Она лишь хотела, чтобы та росла в безопасности и спокойствии, поступила в обычный университет, нашла обычную работу, вышла замуж за обычного человека и прожила тихую жизнь.

Но теперь это желание разбилось вдребезги.

Слезы Су Лань капля за каплей падали на одеяло, оставляя темные влажные круги. Она не смела издать ни звука, не смела даже плечами пошевелить, просто сидела вот так и беззвучно плакала. В темноте ее силуэт казался изваянием, и лишь влажный блеск в глазах едва заметно мерцал.

Будильник на тумбочке показывал два часа ночи.

Времени у нее почти не осталось.

Су Лань глубоко вздохнула, вытерла глаза рукавом и поднялась. Она открыла шкаф и на самом нижнем ящике вытащила старую холщовую сумку — с ней Юэ Сяюэ ходила в детский сад, на ней была нарисована мультяшная панда, уже полинявшая от частых стирок.

Она принялась складывать вещи.

Сменную одежду Юэ Сяюэ: выбрала три самых удобных комплекта из чистой хлопковой пижамы и футболок, свернула валиками и уложила внутрь. Чашку для воды: розовую, с изображением принцессы Эльзы, на уголке которой откололся кусочек краски. Леденцы Юэ Сяюэ: со вкусом клубники, зачерпнула горсть из сахарницы на журнальном столике и сунула пять штук. Плюшевого котенка Юэ Сяюэ — того самого с завязанными хвостиками — положила поверх всего.

Она двигалась быстро, словно участвуя в забеге наперегонки со временем. Ведь она не знала, что случится, когда приедут полицейские, не знала, разлучат ли ее с дочерью. Все, что она могла сделать — это постараться изо всех сил, чтобы даже в худших условиях девочка чувствовала хоть крошечную частичку привычного тепла.

Закончив сборы, она еще немного посидела у кровати дочери.

Из-за окна донесся далекий вой сирены — смутный, то приближавшийся, то удалявшийся.

Су Лань всем телом напряглась и резко вскочила. Быстрым шагом подойдя к окну, она отодвинула краешек занавески и выглянула наружу. Во дворе дома по-прежнему царила тишина, тусклый свет уличных фонарей освещал пустые дорожки, не было видно даже тех, кто выгуливал собак.

Не они. Еще не приехали.

Она отпустила штору, сделала два шага назад и прижалась спиной к стене. Сердце в груди колотилось часто и тяжело, будто что-то отчаянно билось о ребра. Она прижала руку к груди, пытаясь его успокоить, но безуспешно. Страх окатил ее с макушки до пят ледяной водой, пробирая от затылка до самых пят.

Внезапно она вспомнила тот вечер, когда Юэ Сяюэ исполнилось три года.

Тогда она задержалась на работе и заехала за дочкой в ясли уже после девяти. Всех остальных детей уже разобрали, и только Юэ Сяюэ сидела на маленьком стульчике в одиночестве, ожидая ее, а воспитательница сидела рядом с недовольным лицом. Су Лань принялась

извиняться и, подхватив Юэ Сяюэ на руки, вышла на улицу. Шел сильный дождь, одной рукой она держала ребенка, другой — зонт, а Юэ Сяюэ прижалась к ее плечу и вдруг тихонько произнесла: «Мама, не бойся, когда я вырасту, я буду защищать тебя».

Тогда ей показалось это забавным: малышка, которая еще толком говорить не умела, собралась ее защищать?

А теперь эта кроха перевернула весь мир вверх дном самым страшным для нее способом.

И она, ее мать, должна совершить последний поступок ради дочери — своими руками передать ее полиции.

Су Лань закрыла глаза, прислонившись затылком к холодной стене, и несколько раз бесшумно шевельнула губами, будто разговаривая сама с собой, но не проронила ни звука.

Телефон на столике в гостиной внезапно вспыхнул. Незнакомый номер, отмеченный красным знаком.

Отвечать она не стала.

Она подошла к кровати, наклонилась и легко поцеловала дочь в лоб. Губы коснулись теплой кожи, ощутив сладковатый аромат, в котором смешались запах клубничного леденца и детского геля для душа.

Юэ Сяюэ что-то бормонула во сне, перевернулась и уткнулась лицом в подушку.

Су Лань выпрямилась, вышла в гостиную и подняла телефон.

Розовый котенок на экране все так же неумоимо вилял задом.

Она нажала кнопку вызова.

— Да, это я вызвала полицию.

Ее голос звучал ровно, так же ровно, как перед обычным уходом на работу, когда она говорила дочери: «Мама ушла».

— Номер подъезда я вам сейчас назову.

За окном залегла густая ночь. На автостраде вдалеке мчалась колонна машин с мигающими красно-синими огнями, оставляя в ночной тьме ослепительные полосы света.

Су Лань подошла к двери и положила руку на ручку, но поворачивать не стала.

Она оглянулась на приоткрытую дверь детской.

В узкой щели приоткрытой двери горел полоской теплый желтый свет ночника.

<http://bllate.org/book/22405/2351853>